

— С двадцатых чисел декабря установились минусовые температуры. Лишь перед самым Новым годом пролетел шальной циклон, **29-го числа**, когда температура воздуха в течение дня повысилась от минус 9 градусов утром до плюс 4 вечером, и прогремела гроза, начавшаяся с метели, перешедшей сначала в мокрый снег, а потом в дождь. Ветер, крутанувшись с южного на сильный западный, к вечеру уже стих и стал северным.

— **30-го** было тихо, ноль градусов, давление росло, а с первых чисел января установились морозы, да не какие-нибудь, а под 20 градусов и ниже на весь январь (2 января - минус 16 градусов, 7-го - 24 градуса, 10-го - 24, 11-го - минус 27!).

— **31 декабря** я ходил на базар через Верхнее озеро по льду. Там ловят приличную густёру на мотыля (за год она подросла и стала в среднем уже в ладошку), а один так даже леща поймал.

— **3 января** мы с Серёжей и Смертиным ездили в Берёзовку на карьер - ловить корюшку для наживки на судака. Лёд около 7 сантиметров толщиной. Я поймал 13 штук на мотыля, хиленьких, они там выродившиеся, мелкие, но на судака в самый раз. Ловили с глубины метра в полтора, а до дна там чёрт знает сколько - метров пять, не меньше.

— И вот открытие сезона на заливе - **10 января**.

— Температура - минус 20-24 градуса, давление 745-749 мм, ясно, ветер юго-восточный, восточный, умеренный.

— Отправились дизелем в Сосновый Бор: два Серёжи - Лебле и Кшевецкий, и я. В поезде встретили двух Володь - Хорюкова и Таранова. Минут пятьдесят шли вместе, потом Хорюков и Таранов отделились, чтобы тут где-то и ловить, а мы втроём пошли дальше - к маяку, под Лысую гору.

— Отсидели, как положено, - до пяти вечера. Кшевецкий поймал окуня, я - судачка-недомерка на 37 см, отпустил его от греха подальше, а Серёжа - ничего. Хорюков с Тарановым тоже ничего не поймали. Видели, правда, в районе Бальги у рыбаков корюшек пойманных.

— Но главный результат открытия сезона был получен на обратном пути, когда шли к берегу, - я себе морду обморозил.

— Туда шли на северо-запад, ветер в спину, мороз не чувствовался. У лунок тоже спиной к ветру сидели, разумеется, в проолифенках, валенках - никаких проблем. А обратно идти - прямо против ветра, да я ещё уши у шапки-ушанки не завязал под подбородком как следует: голые руки коченеют на ветру, не завязать.

— Ветер залеплял очки позёмкой, обжигал лицо, и я, чтобы как-то защитить его, шёл, отвернув голову вправо, прикрывая левую сторону лица воротником и рукой в рукавице. Но потом перестал рукой прикрываться - неудобно всё время с поднятой рукой идти, да и притерпелся вроде бы уже.

— Вот тут-то меня и прихватило.

— Спасибо Серёже Лебле. Мы шли рядом. Я стал отсмаркиваться на ходу и, взявшись рукой в рукавице за нос, почувствовал, что у меня под носом сосулька ледяная висит. Это меня жутко развеселило, и я повернулся к Серёже, смеясь:

— - Эй, Серёжа, смотри, - у меня сосулька под носом!

— Серёжа оборачивается ко мне, и я вижу, как меняется его лицо, какое-то испуганное выражение принимает.

— - Слушай, - говорит, - ты себе левую щёку отморозил!

— Я скидываю рукавицу и дотрагиваюсь голой ладонью до щеки. О, ужас! Неописуемое ощущение - как будто у меня щеки нет, а прямо на кости лежит что-то мягкое вроде тряпочки, через что я тыкаю себя каким-то посторонним предметом. Честно скажу - перепугался, нехорошо аж стало, холодный пот прошиб, как говорится.

— Схватил снег голой рукой и, ну, - тереть щёку. Что, кстати, делать не рекомендуется, чтобы не ободрать кожу и инфекцию не занести; шарфом надо было растирать или лучше

просто отогреть рукой, обмотав её шарфом. А, главное, идти надо, и быстро, - мы, как всегда, досиделись до последнего момента, всё надеялись - вдруг клюнет.

— Короче, тру я щёку на ходу и чувствую, что щека вроде бы отходит помаленьку, уменьшается размер места, потерявшего чувствительность, зато мизинец и большой палец руки, которой тру, заоченели, их не чувствую.

— Оттёр щёку минут за десять, сунул окоченевшую руку за пазуху, подмышку. Когда рука стала отходить, кончики пальцев заболели - хоть криком кричи. Так и топал с рукой подмышкой почти до самого берега, полтора часа то есть. Спасибо Серёже - пешню мою волок.

— В поезде у меня пальцы почти перестали болеть, зато щека разболелась. Когда я появился дома, Сашуля ужаснулась: щека раздулась и отвисла как у хомяка. Я не придумал ничего лучшего как позвонить - благо телефон дома теперь есть - в "Скорую" и спросить, что делать при обморожении. Мне посоветовали поехать в ожоговый центр при многопрофильной больнице на Летней - у чёрта на куличках, в Балтрайоне.

— Позвонил Шагимуратовым, им тоже телефон поставили, у Лены стал консультироваться. Облепиховым маслом, говорит, мажь или спермацетовой мазью, если пузырей нет, и кожа не слазит.

— Намазал облепиховым маслом. Пузыри появились на следующий день. Сначала мелкие, а затем они сливались в волдыри. Волдыри лопались, и, когда я перестал мазаться, всё помороженное место покрылось коростой. Опухоль спала дня через два. А через неделю я уже снова был на рыбалке. Короста же помаленьку отваливалась и за месяц вся отвалилась. Пятна белые ещё оставались до лета, а под солнышком и они исчезли.

— Второй выход на залив (**17 января**, минус 20-18 градусов) был в том же составе: два Серёжи и я. Ходили примерно в те же места, то есть на расстояние в полтора часа ходу, и - ничего. Ни одной поклёвки. И у всех пусто по всему заливу. Слиял куда-то судак. В Мамоново ушёл. Или в Польшу.

— А в Сосновом Бору корюшка у берега берёт, но очень вяло. Поймали по штучке - две, когда туда ещё шли.

— Ещё через неделю (**24 января**) опять поехали. Морозы ослабели - минус 9-5 градусов. В этот раз к нам присоединились Кореньков с Лёней Захаровым. Собирались ловить корюшку в Сосновом Бору, но до трёх часов поймали буквально по несколько штучек только (я - пять, остальные по две-три). В 15:20 мы с Юрой и Лёнкой ушли к Бальге. Там я поймал три крупных корюшки - только и всего, а забрались далеко: час пятьдесят до Валетников шли.

— Серёжи - Лебле и Кшевецкий - сели в дизель в Сосновом Бору. Они тоже сбегали всё-таки за судаком, и Серёжа Лебле исхитрился одного поймать на полтора килограмма. Народ же в целом пустой, нет судака. Говорят, зато корюшка якобы в Береговом на неделе неплохо брала.

— Поддавшись на эти слухи, я на следующий день рванул в Береговой. Погода за ночь резко изменилась, температура повысилась до плюсовой, задул сильный юго-западный ветер с моросью. Таких как я ненормальных в Береговом оказалось немного и среди них - Смертин. Мы до часу с ним посидели на ветрюге (правда, я стенку построил) и смылись - не брала корюшка. И накануне, говорят, тоже не брала. А вот дня три тому назад...

— Не везёт, так не везёт, и мы со Смертиным ещё и на автобус опоздали, который ушёл минут на десять раньше расписания. Я уж и забыл, что такие штучки в Ладушкине в порядке вещей.

— Очередной выход - **31 января**. Температура - минус 4 - 0 градусов, давление 743 мм, позёмка, ветер от юго-западного до северо-западного, умеренный до сильного.

4 февраля 1988 г., кирха

— Неудачи начались с того, что я забыл дома кошелёк. Спихватился, когда в автобус

садился у гостиницы "Калининград". Возвращаться, однако, не стал, надеясь встретить кого-нибудь из знакомых на вокзале. До вокзала доехал без билета, а там сразу же наткнулся на Вани Карпова "брательника" - Колю, у которого занял рубль на билеты на дизель. Ваня тоже тут был - ходил за билетами, Кореньков ещё появился.

— Карповы и Кореньков вышли в Сосновом Бору, а я поехал дальше - в Валетники. Туда теперь мало кто ездит - говорят, пограничники в поезде штрафуют, делать им не хрена. Но я решил рискнуть. Уж больно глухо в Сосновом Бору по рассказам, нет судака.

— Шёл 1 час 05 минут по дамбе до самой Лысой горы, а потом ещё минут сорок по направлению к искусственному острову, и оказался на глубинах более пяти метров - наибольших в заливе. В 14:20 поймал судачка на 39 см, но отпускать не стал - мало надежды, что ещё что-нибудь поймаю.

— А в 15:30 судак долбанул так, что с ходу оторвал мою любимую, самую уловистую, проверенную блесну. Последнюю с большим крючком (двадцатка), таких я уже сто лет в магазинах не видал. И ведь было у меня намерение сменить лесу на этой удочке, старая уже, несколько сезонов отслужила, да так и не собрался. Вот и наказал Господь за лень.

— Ладно, хоть на обратном пути рыбнадзор не встретился (недомерок же в рюкзаке), и "погранцов" в поезде не было.

— А на следующий день я уговаривал Митю поехать в Береговой на корюшку, но он так тянул резину утром и торговался по поводу одежды - не хотел в пальто своём зимнем ехать, и в куртке, мол, не замёрзну, пижон несчастный, что я разозлился, покидал все рыбацкие шмотки обратно на антресоли, и мы никуда не поехали.

— В очередную субботу, **7 февраля**, утром было плюс пять градусов, давление 727 мм, дул сильный юго-западный ветер. Я тем не менее собрался на рыбалку, дошёл до Зарайской, пытаюсь не обращать внимания на дождь (надел проолифенку сверху), но на открытом месте ветер задувал с такой силой, что я сдался и вернулся домой.

— В течение дня давление росло и поднялось к вечеру до 740 мм, а температура понизилась до минус одного градуса, дождь перешёл в снег, и на следующий день я утром всё-таки добрался до Соснового Бора, откуда шёл с Лёнью Захаровым два часа на северо-запад. Пришли мы в тот примерно район, где я в прошлый раз лишился своей любимой блесны. И ни фи́га, ни одной поклёвки судаковой. По корюшке поймали, только и всего.

— А на обратном пути Лёнька ещё грохнулся очень неудачно. Лёд гладкий, скользкий очень, и множество огромных луж после вчерашнего дождя, затянутых тонким ледком. На таком ледку Лёня и поскользнулся, упал на спину, ледок, конечно, проломился, а в луже вода глубиной сантиметров в десять, промок, разумеется, сзади.

— Но главная беда в том оказалась, что он сильно ударился локтем, да так, что чуть сознание от боли не потерял. И болело-то не в локте, а в плече и в шее, и в груди, аж вздохнуть не мог. Лёня решил, что он себе сломал что-то - то ли плечо, то ли ключицу, то ли ещё что. А идти до берега было больше часа. Еле доплёлся. Вот тебе и порыбачил. Ни хрена не поймал, зато промок и покалечился. Ну, хоть погуляли...

— Ходил Лёня потом в поликлинику, сделали ему рентген, и выяснилось, что никаких переломов у него нет, а всё от шейного остеохондроза: он при ударе какой-то нерв зацепил шипом на позвоночнике.

После этого похода я махнул рукой на судака и больше не пытался даже его ловить. Видать, сезон такой, никто не ловит, нету его, слинял куда-то, в Польшу, наверное, ушёл.

А лёд на заливах стоял, не взирая на оттепели, и даже продолжал нарастать, поскольку морозы, хоть и не такие сильные, как в январе, но набегали волнами и в феврале, и в марте. Прошёл слух, что в Каширском плотву ловят неплохо, и в очередную субботу (**14 февраля**) я отправился туда.

Погода для ловли плотвы была самая подходящая: температура плюс 1 - плюс 3

градуса, давление 740-742 мм, утром переменнo, днём туман, вечером снег, ветер юго-западный, южный, слабый. Собирался со мной Кореньков поехать, но что-то не явился.

— В Каширском от берега народ шёл в основном на огни Лесного, то есть на северо-запад, и я двинулся туда же со всеми. От берега шёл минут сорок. Как стало светать (около девяти часов), пробурил лунки, подкормил их хлебом и с 9 до 12 поймал (в основном на мотыля) 22 плотвы общим весом (дома взвесил) на 4 кг 200 г.

— А с 13 часов клевать практически перестало, не считая мелкого окуня. Я пошёл обходить соседей (народу много понаехало) и установил, что у всех хуже - по пятку плотвин в среднем, но зато есть очень крупные экземпляры - за полкило и больше.

— Потом я ещё два раза выезжал в Каширское (**22 и 28 февраля**), но оба раза неудачно. Один раз метель прогнала со льда, во второй клёва не было совершенно. Плотва, в общем, действительно появилась снова в Куршском заливе после ухода судака, но до былого изобилия ещё далеко.

— Оставалось ловить корюшку. **19 февраля** - будний день, ездил в Береговой. Температура воздуха - плюс 1 - минус 1 градус, давление 745-748, метель, ветер восточный, северо-восточный, умеренный. Рыбаков там человек пять всего было. Ловили в трещине шириной сантиметров в тридцать, тянувшейся с юга на север. Клевало плохо.

— Поймав за полтора часа всего три корюшки, я решил пробежаться вдоль трещины вглубь залива - там маячило несколько фигурок, - разведать обстановку. Пробежав с полкилометра, наткнулся на мужика, с которым шёл по льду утром. У него корюшки было накидано с десятка два и крупной. Пройдя ещё немного вперёд, я забросил снасти в трещину и тут же заклевало. За час я поймал полтора десятка приличных корюшек, и клёв прекратился.

— Зато усилилась позёмка, и я решил двигать к берегу, чтобы уехать домой четырёхчасовым дизелем. Пошёл обратно вдоль трещины. Ближе к берегу от того места, где я ловил с утра, сидели какие-то ребята и тягали корюшку. Я не удержался, закинул удочку неподалёку от них и поймал одну корюшку, да время уже поджимало, и я побежал вдоль трещины к берегу.

— А мелко прилично. Трещину заносило снегом, местами она совершенно скрывалась из виду под заносами, а вскоре и вовсе вроде бы исчезла. Тут-то я в неё и провалился.

— Слава Богу, трещина узкая - я влетел только по бёдра, чувствительно ушибив их об край льда из-за инерции движения вперёд. Благодаря той же инерции центр тяжести моего тела сместился вперёд, ладонями рук я упёрся об лёд и почти моментально выскочил на него.

— Но, сделав вперёд три шага, я провалился снова и снова благополучно выскочил, считая за благополучие то, что в воде побывали только мои ноги до бёдер. Со второго раза я догадался метнуться в сторону от трещины, полностью уже скрытой снегом.

— Выливать воду из сапог и отжимать её из ватных штанов было некогда, надо было спешить к дизелю, да и неудобно это на льду делать. Я рванул к берегу как можно быстрее, насколько мне позволяла вода, набранная в сапоги и в штаны. Холодно мне не было, от движения вода быстро нагрелась, вот только идти было тяжеловато. Но до берега было не так уж далеко - минут двадцать всего ходу.

— Выбравшись на берег в Береговом, я присел на валун у дороги, слил воду из сапог, отжал штаны и носки. Стало полегче, да ещё подфартило - попутка до Ладушкина подбросила, так что даже ждать дизеля на вокзале пришлось.

— Через день, **21 февраля**, в субботу, я уже снова был на заливе - поехал в Сосновый Бор с братьями Карповыми и Кореньковым. (Температура воздуха минус пять - ноль градусов, давление 748-744 мм, переменнo, туман, ветер южный, слабый.) Все расселись ловить корюшку, за судаком бегали считанные единицы, упрямо на что-то надеявшиеся.

— Но и корюшка не брала. Она, по слухам, то подходила к Сосновому Бору, то перемещалась к Береговому, то вообще исчезала куда-то. Мы с Кореньковым посидели часик без результата и рванули вперёд, просто так, безо всякой идеи, куда-нибудь, лишь

бы не мёрзнуть на одном месте.

— Прошли минут с тридцать пять и вышли на скопление людей под Лысой горой - ловят корюшку. И неплохо ловят. Пристроились и мы в толпе. Сидели часа три. Я поймал 50 штук, Юра поменьше. А Карповы, застряв в Сосновом Бору, так на нулях и остались.

— На этом месте (под Лысой горой) я появился снова почти через три недели - **11 марта** (минус 9-4 градуса, давление 763 мм, ясно, ветер северо-восточный, слабый) - после безуспешных поездок в Каширское и Сосновый Бор. Вместе с Сергеями - Лебле и Кшевецким - пришли из Валетников по дамбе. За весь день я поймал две камбалы, Серёжа Лебле - одну корюшку, и всё.

— На обратном пути мне попался рыбинспектор на мотоцикле, который сказал, что корюшка по-чёрному ловится под Балтийском, - вон, где у мотоцикла двое сидят, и там дальше, за ними. В Сосновом Бору в этот день, между прочим, тоже ловилось, хоть и не очень, но всё же лучше, чем у нас.

— Вскоре, правда, и нам повезло, когда мы добрались, наконец, почти до самого Балтийска. Это было **14 марта**. День был исключительный. Морозец минус 7-4 градуса, ясно, ни облачка, солнышко пригревает, абсолютно безветренно, давление высокое 758-756 мм. Сидели сначала в Сосновом Бору на корюшкинских местах, где хорошо клевало совсем недавно, буквально вчера. А сегодня, как положено, не клюёт, раз мы тут появились.

— Мы - это Лебле, Кшевецкий, Смертин, Лёня Захаров и я. Сидим на солнышке, благодать! И не клюёт. Ни у кого в округе, а народу много. И тут я бросил клич - айда под Балтийск, там, говорят, по-чёрному ловят! Все с энтузиазмом откликнулись на эту идею - хоть и далеко, да погода-то вон какая хорошая, прогуляемся, чего тут без толку сидеть, - смотрели удочки и пошли.

— Два часа шли, причём быстрым ходом, взмокли все, - от лунок Соснового Бора, до которых в свою очередь от берега 35 минут хода было. Из района между Бальгой и маяком уже было видно скопление рыбаков под Балтийском, к нему мы и чесали целенаправленно.

— Пришли и видим - не зря шли. Корюшка, действительно, клюёт отлично, у людей уже по мешку полиэтиленовому наловлено. Быстренько просверлили себе лунки и начали тягать. Особенно лихо Смертин орудовал - килограмма четыре надёргал, по килограмму в час. А я оплошал, что-то много сходов было, крючки, видать, затупились у блёсенок. Штук тридцать всего поймал, хороших, правда, крупных корюшек.

5 февраля 1988 г., кирха

— Забравшись так далеко, мы только в два часа начали ловить, а чтобы успеть на семичасовой дизель в Валетники, надо было бы самое позднее без четверти пять сматываться и дуть полным ходом, так что на ловлю всего ничего оставалось. А уходить не хотелось - и погода хороша, и корюшка клюёт отлично, когда ещё такое повторится!

— Ну, что, братцы, сидим до последнего дизеля?

— А когда он идёт?

— Около десяти часов где-то.

— Значит, до восьми ловить можно.

— Мне Ленка шею намылит, - сказал Лёня. - Да ладно, Бог с ней. Всё же не пустой приду, а то она уж и не верит, что я на рыбалку ежу. Неизвестно, говорит, где ты болтаешься, рыбы-то не носишь. Давайте, останемся.

— И мои будут волноваться - не утоп ли, - высказался Кшевецкий. - Но уходить сейчас не хочется. В общем, я как все.

— Серёжа Лебле и Смертин домой вовсе не рвались, я тоже был не прочь задержаться. И тут сидевший неподалёку от нас пожилой мужик, слышавший наши разговоры, предложил нам:

— А вы, ребята, езжайте с нами, на нашем автобусе. Он у Лысой горы стоит. Мы из Нивенского совхоза. Автобус в восемь часов поедет. Только не опаздывайте, ждать не

будем.

—Мы, конечно, обрадовались этому предложению и поблагодарили за него. Ловили до семи вечера, после чего пятьдесят минут шли до берега к Лысой горе, и в восемь часов автобус - служебный ПАЗик - повёз нас вместе с нивенскими любителями подлёдной рыбалки по дамбе в Валетники, то есть на станцию Приморский Новый, чтобы оттуда через Пятидорожный выехать на Берлинку.

—Но, не отъехав от Приморского и километра, автобус сломался, чего-то там полетело, вышла из строя система охлаждения, и автобус еле-еле добрался обратно до Приморского. Там его и оставили на ночь. До прихода дизеля сидели сначала в автобусе, потом вылезли попрыгать, перебрались к остановке поезда.

—Когда подошёл состав, увидели в освещённых окнах одного из вагонов "погранцов", проверявших документы у пассажиров. У нивенских были пропуска, и бояться им было нечего, а мы рванули в головной вагон, надеясь, что пограничники не успеют до него добраться, - ехать-то по погранзоне всего пять минут, одну остановку до Соснового Бора проскочить бы и всё.

—Эх, а ведь были времена - не то, что в Валетники или в Знаменку - в Мамоново свободный въезд был! Уже две только минуты оставалось до Соснового Бора, когда пограничники появились в тамбуре нашего вагона. Мы кинулись в противоположный тамбур, у кабины машиниста, сгрудились у дверей вагона, прижались к ним, затаились, - авось, не заметят!

—Не заметили. Или не захотели замечать. Тем более, что вот и Сосновый Бор уже. Пронесло. Не хватало ещё штраф платить полста рублей за корюшку нашу много страдальную.

—**21 марта** мы опять выехали почти тем же составом, только вместо Смертина был Кореньков, в Сосновый Бор (ноль - плюс три градуса, давление 736-744 мм, ясно, ветер западный, северо-западный, слабый). Ловили напротив Лебединого, то есть между Сосновым Бором и Береговым. Я поймал 21 штуку и вернулся домой на 4-часовом дизеле. Клёв был так себе - с утра ничего, а потом всё хуже и хуже.

—На следующий день я поехал в Береговой с Митей. Весна набирала разгон. Утром был ещё морозец - минус один градус, а днём - плюс шесть, ясно, давление 745-748 мм, ветер юго-восточный, южный, слабый, но лёд хоть куда ещё, сантиметров сорок толщиной.

—Народу по такой погоде множество расселось от Берегового до Соснового Бора, а корюшка опять смылась куда-то, единичные экземпляры попадались, да и то не каждому. Салака зашла в залив, видели нескольких салачин выловленных. Мы с Митей прошли по льду от Берегового до Соснового Бора, поймали в Бору 4 маленьких корюшки и на 4-часовом дизеле уехали домой.

—А когда ехали утром на рыбалку, в автобусе нас мужик один допекал математическими шарадами (про среднюю скорость, про сапожника и инвалидов) и был страшно доволен нашей несообразительностью.

—Несмотря на неудачу предыдущей поездки, Митя согласился поехать в Сосновый Бор снова. У него были каникулы как раз, и мы отправились с ним на рыбалку ещё и **25 марта**. Температура воздуха была плюс 1.5-6 градусов, давление 744 мм, пасмурно, ветер юго-восточный, слабый.

—В Сосновом Бору корюшка поклевывала, и мы с Митей за час поймали 7 штук. Тем не менее в 11:40 мы снялись с лунок и пошли к Бальге в расчёте выйти, если повезёт, на плотную стаю, да и просто пройтись по заливу, благо идти хорошо - лёд и не скользкий, и не вязкий, снега нет, шагай напрямки в любую сторону.

—Минут за сорок дошли до Бальги, до того места под Лысой горой, где хорошо ловилось у меня с Кореньковым и плохо с Лебле и Кшевецким. По дороге проверяли попадавшие лунки, не замерзавшие теперь, но без результата. У Бальги нам встретился один герой, блеснивший судака, и с удочками, расставленными на корюшку. Около него стояла распчатая бомба "партийного". Нетрезвым голосом он поведал, что ловить надо не

здесь, здесь ни хрена нет, все ловят под маяком, а ему туда ходу нет, ему там ... дадут, а то бы он пошёл.

— Мы с Митей повернули в сторону маяка. В тумане его не было видно, и мы шли по компасу просто на север. Вскоре впереди прорезались фигурки людей, и мы направились к ним, думая, что это рыболовы. Это и были рыбаки, только не любители, а профессионалы, колхозники, вынимали рыбу из сетей и складывали её в ящики, чтобы на "Буране" отвезти на берег. В основном, как обычно, в сети попадался лещ, но и судаков, что меня удивило, оказалось предостаточно. И каких красавцев! Где же они до того были? И почему не попадались на блёсны? Загадка. Я не удержался и поканючил:

— - Может, продадите одного, а?

— - Ступайте во-он туда, видите, народ чернеется, корюшку ловят, там и наловите, а здесь не магазин.

— Другой мужик заметил:

— - Что это вы с пацаном в такую даль забрели, заблудитесь, видимость плохая.

— - Не заблудимся, у нас компас есть.

— И мы двинулись дальше в ту сторону, куда нам показали, под Балтийск, где, действительно, чернело скопление точек. В этот раз народ сидел немного ближе к маяку и дальше от Балтийска, чем когда мы ловили большой компанией (когда автобус сломался). На подходе к толпе я сказал Мите:

— - Смотри, где больше вскакивают и руками машут, туда и двинем.

— Нашли такое место, рядом как раз несколько лунок в линию пробурено. Опустили туда удочки - глубина метра четыре, и началось! Клевало практически беспрерывно, только опускай. То самое, что называют "по-чёрному". Митя так увлёкся, что застегнуться ему некогда было после перехода. Дрожит весь, замёрз, а от лунок не оторваться. И корюшка крупная. Поймали мы с ним 70 штук за два с половиной часа. Пришли на место в два часа дня, а ушли полпятого.

— Обратно до Валетников шли два часа, по льду и по дамбе по часу. Митя, конечно, устал, да и я с ног валился, и спина трещала, но оба мы были довольны. Я более всего тем, что Митя такой поход спокойно перенёс и ловил с азартом.

— Улов наш был очень кстати - через день приехала Ирина на Мишин день рождения и вдоволь корюшки наелась.

— И вот осталось описать последний мой выход на лёд этого длинного, но не очень-то удачного в целом сезона.

— **29 марта.** Температура воздуха плюс 6-8 градусов, давление 726-736 мм, переменно, ветер юго-западный, умеренный, лёд рыхлый, толщина сантиметров 15-20. Ездил в Валетники. Ходил под "чёрный маяк", то есть туда, где мы с Митей так удачно ловили корюшку четыре дня назад. Толпа и в этот раз там сидела, а корюшки не было. Часа за два я поймал две корюшки и две камбалы, а потом бегал аж к искусственному острову, пробовал блеснить судака, но безо всякого результата.

— Тем и закончился сезон. Спину себе в тот день я намял ужасно, хоть и облегчился заранее - сменил полушубок на пальтишко. Ну, а общие итоги сезона таковы. Первым делом, морду обморозил. Судаков поймал двух недомерков, из которых одного отпустил с Богом. Блесну наилучшую потерял. В трещину провалился. От погранцов прятался. По заливу набегался как никогда. Один всего удачный выход на плотву и три на корюшку. Неудачных же и считать не хочется.

— Длился сезон на заливе у меня с 10 января по 29 марта.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)